

Янь Юй горестно вздохнула и, отложив платок, перевела взгляд на стоящую у окна вазу.

— Хотя все трое родом из деревни Девяти Семей, положение Лу Чана было куда скромнее, чем у Ли Фугуя или Лю Юаня. На первых порах они помогали ему деньгами, чтобы тот мог начать свое дело. Со временем, благодаря стараниям Лян Юй, супруги Ли Фугуя, его торговля пошла в гору. Денег становилось всё больше, и отношения с Лу Чаном...

Она замолчала. Стало ясно: разбогатев, Ли Фугуй начал смотреть на старого друга свысока. Тот был хитер и расчетлив, а Фугуй, умевший выгадывать каждую монету, явно не желал иметь дел с нечестным на руку побратимом.

— Я слышал, в полдень того дня, когда погиб Лу Чан, вы лично принесли ему вино, — заметил Цзян Ехун.

— Да. Лу Чан пил дважды в день. В обед — никогда, зато перед дневным сном — обязательно. Говорил, что только так может по-настоящему отдохнуть. Если он задерживался в Лавке Собирания Сокровищ и не возвращался домой, я сама относил ему кувшин. Это было правилом, которое никогда не нарушалось. Кто же знал, что эта чаша станет для него последней...

На вид Янь Юй было не больше тридцати. В ее глазах застыла затаенная, непроходящая печаль, а в голосе сквозила тихая обреченность.

Цзян Ехун поднялся с места.

— Госпожа Лу, если вспомните что-нибудь еще, дайте мне знать.

Янь Юй держалась с изысканным достоинством, присущим дочерям знатных родов.

— Господин Чу, прошу, задержитесь, — она слегка склонила голову. — У меня есть просьба. По обычаю нашей деревни, завтра на закате всех троих должны отправить в родные края для погребения. Я обязана сопровождать гроб как вдова, но не могу оставаться там долго. Я всего лишь слабая женщина и, признаться, мне очень страшно...

Цзян Ехун и сам планировал еще раз навеститься в ту деревню.

— У нас есть дела в тех краях, так что мы отправимся вместе с вами завтра вечером.

Янь Юй поклонилась в знак благодарности.

— Благодарю вас, господин Чу.

Когда Жун Жо и Цзян Ехун покинули поместье Лу, Ехун обернулся к спутнику:

— Тебе тоже эта госпожа показалась странной?

— Да, — кивнул Жун Жо. — Судя по манерам, она образованна и воспитана, но своего покойного мужа она называет только по имени — Лу Чан. Сухо, отстраненно. В ее лице читается меланхолия, но нет ни капли искреннего горя. Похоже, их чувства не были глубокими.

Цзян Ехун невольно закашлялся, в голове всё еще неприятно шумело.

— Эх, ничего удивительного. Посмотри на этого Лу Чана — жирный, лощеный тип. А его жена явно из обедневшей знати. Скорее всего, семья разорилась, ей пришлось стать певичкой, а Лу Чан силой взял ее в жены. В душе у нее лишь обида, так что смерть мужа для нее, возможно, даже избавление.

Жун Жо был согласен, но чувство какой-то неправильности не покидало его.

— Старший брат Чу, ты всё еще кашляешь. Может, передохнем?

Ехун чувствовал сильную слабость, но завтрашняя поездка в деревню Девяти Семей не давала покоя. Нужно было до конца разобраться в связях этой троицы.

— Пустяки, просто легкая простуда. Пойдем, нам нужно зайти к семье Лю.

Лю Юань не зря звался мастером воздушных змеев — в его доме они были повсюду. Его супруга, Жуань Цин, оказалась женщиной строгой и набожной. Когда они пришли, она всё еще была в молельне. Худая, почти прозрачная, она казалась холодной и безучастной.

— Господин Чу, мой муж действительно выпил перед смертью. Он любил вино и не пропускал ни дня.

Цзян Ехун с любопытством разглядывал изделия мастера.

— Эти змеи почти в человеческий рост. Лю Юань был истинным умельцем — этот феникс как живой.

Жуань Цин медленно перебирала четки. Ее взгляд был пустым. Похвала в адрес мастерства покойного мужа не вызвала у нее ни тени эмоций.

Жун Жо осмотрел дом. Нигде не было и намека на траурное убранство. Ни в доме Лу Чана, ни

у Ли Фугуя поминальных залов не устраивали.

— Госпожа Лю, почему в доме нет алтаря для поминовения? — спросил Жун Жо.

Жуань Цин на мгновение замерла, и четки в ее руках задвигались быстрее.

— Таков обычай деревни Девяти Семей. Если человек умирает на чужбине, траурный зал в доме не ставят.

Цзян Ехун только сейчас осознал, что именно казалось ему странным. В трех домах, где оплакивали покойников, не было поминальных свечей и алтарей.

«Деревня Девяти Семей становится всё более зловещей. Сколько же там еще суеверий?» — подумал он.

— Позвольте спросить, вы ведь тоже из той деревни? — уточнил Жун Жо.

Морщинки в уголках глаз Жуань Цин стали глубже.

— Да, — едва слышно ответила она. — Мы с Лю Юанем выросли вместе.

— В таком случае, вы наверняка знаете об их обрядах жертвоприношения?

Жуань Цин так сильно сжала четки, словно увидела перед собой нечто ужасное. Лицо ее мгновенно побелело.

— Знаю... немного. Это древние традиции предков. Каждый год в это время женщины готовят подношения и шьют ритуальные одежды. Вечером мужчины несут дары в храм предков, а наутро вся деревня во главе со старейшиной обходит дома с благовониями. Потом их втыкают в большую курильницу у храма. Вот и всё.

Жун Жо сощурился, напоминая ребенка, слушающего сказку.

— Как необычно. Госпожа, а бывают другие обряды?

Нить четок в руках Жуань Цин лопнула, бусины с сухим стуком рассыпались по полу. Она схватилась за голову, лицо ее исказилось.

— Нет... больше ничего нет.

Жун Жо не стал настаивать. Он мягко, всё тем же невинным тоном, продолжил:

— Вы слышали о картине «Полет небожителей»? Зачем господин Лю брал ее? После смерти Лу Чана это полотно хранится у нас, в Люшаньмэнь.

Лицо Жуань Цин стало мертвенно-бледным. Она тяжело опустилась на стул.

— Я редко вмешивалась в его дела. Господа, мне нездоровится... Прошу прощения, я не могу больше вас принимать.

Когда служанка уводила ее, женщина едва не лишилась чувств.

— Похоже, госпожа Лю знает куда больше, чем говорит, — заметил Цзян Ехун.

— Согласен, — отозвался Жун Жо. — Но она не откроет свои секреты просто так. Старший брат Чу, ты заметил? Она изнурена, ее разум в смятении, но в ее словах о Лю Юане тоже нет ни капли печали.

Цзян Ехун задумался.

— Лю Юань слыл достойным человеком, говорили, что они с женой жили душа в душу. Почему же она так холодна к его смерти?

— Кроме вдовы Ли Фугуя, которая была не в себе, остальные жены подозрительно спокойны. Брат Чу, вели разузнать всё о прошлом госпожи Лу.

— Сделаем. А пока — назад, в Люшаньмэнь.

Вернувшись в Люшаньмэнь, Цзян Ехун собрал подчиненных.

— По правилам деревни Девяти Семей, завтра Ли Фугуя и остальных отправляют домой на погребение. Вдова Лу Чана осталась одна, она боится, что ее обидят в пути. Поэтому вы переоденетесь в носильщиков и плакальчиков и сопроводите ее. Без моего приказа — ни шагу в сторону, и не смейте выдавать, что вы из полиции. Ясно?

— Глава Чу, есть вопрос, — подал голос один из ловцов. — Лу Чан был богат, мог бы и наемников нанять. Зачем нам ломать комедию и таскать гробы? За это хоть заплатят?

Цзян Ехун на мгновение замялся. И впрямь — кто пойдет на такое гиблое дело за бесплатно?

— Э-э... не беспокойтесь. Госпожа Лу обещала щедрое вознаграждение. Мы идем туда по делу,

так что смотрите не проколитесь.

Услышав о деньгах, ловцы сразу приободрились. Но Цзян Ехуну было не до смеха: он и словом не обмолвился вдове об оплате. Если денег не окажется, проблем не оберешься.

Видя его замешательство, Жун Жо вызвался сам уладить этот вопрос с Янь Юй. Цзян Ехун был готов расцеловать его — Жун Жо действительно умел договариваться. Госпожа Лу согласилась заплатить без лишних слов.

Чжао Чэнь вернулся в участок, догрызая куриную ножку.

— Глава, затеваешь такое дело и не советуешься со мной? Это ты зря.

— Тебя не было на месте, — отмахнулся Ехун. — Обижен не будешь. Что разузнал про жену Лу Чана?

Чжао Чэнь вытер замасленные губы.

— Разузнал. Года три назад Янь Юй была певичкой в трактире семьи Чжу. Красавица, каких поискать. Лу Чан положил на нее глаз и взял силой.

— Вот видишь, я так и думал. Неудивительно, что она так на него зла. Променять лучшие годы на этого борова...

Чжао Чэнь сочувственно вздохнул:

— И не говори. Хоть и пела в кабаках, а жила честно, сама себя кормила. И надо же было ей встретить этого подонка.

— Откуда она родом? — спросил Ехун.

— Хозяин трактира говорит — из деревни Синьсян, что в провинции Лючжоу.

До Лючжоу путь неблизкий. Пока доедут, пока разузнают — недели две пройдет.

— Как она оказалась в столице?

— Говорит, приехала искать родню, да деньги кончились. Вот и пошла петь.

Жун Жо тем временем не отрывал взгляда от картины «Полет небожителей».

— Всё смотришь? — окликнул его Ехун. — Думаешь, девы на ней оживут?

Чжао Чэнь выудил из-за пазухи три оберега.

— Вот, у знающего человека достал. От сглаза и нечисти. Наденьте. И нечего на эту картину пялиться, она проклятая. Долго смотреть — кажется, будто эти девы тебе улыбаются.

Жун Жо принял амулет с мягкой улыбкой. От его ауры в хмуром кабинете Люшаньмэнь становилось как будто светлее.

— Старший брат Чжао, то, что вам чудится улыбка — лишь игра света и теней. Работа мастера безупречна, в ней нет ничего демонического.

Чжао Чэнь, не слушая объяснений, поспешил прилепить оберег к груди.

— Всё равно она жуткая.

Ехун подошел к Жун Жо.

— Ладно, будет тебе.

Жун Жо негромко произнес:

— В записях учителя брата Чжао я нашел один портрет. Это ведь те самые три сестры Гао, что пропали много лет назад?

— Они самые, — подтвердил Чжао Чэнь. — Мой учитель заказывал рисунок. Гао Цзылинь лично подтвердил — сходство полное.

— Сходство и впрямь поразительное, — задумчиво сказал Жун Жо. — Девы на картине «Полет небожителей» выглядят в точности так же. Вот только на портрете их одежда иная. В дневнике учителя брата Чжао подробно описано, в чем были сестры в день исчезновения: какие цветы в волосах, какие платья. Посмотрите... здесь написано в точности то, что мы видим на этой картине.

Цзян Ехун взял тетрадь и начал читать:

— Гао Юйцинь: цветок пиона в волосах, золотая шпилька «хвост феникса», платье из лазурного шелка...

Он поднял глаза на картину. Совпадение было абсолютным. В груди похолодело.

— Го Цзыкуан написал это полотно через несколько дней после их исчезновения. Откуда он мог знать их наряды до мельчайших деталей?

— Го Цзыкуан утверждал, что увидел их в горном мареве и писал по памяти, — негромко ответил Жун Жо. — Значит, видение явило ему сестер именно в тот день, когда они пропали. Но почему их лица так искажены? Кажется, будто Гао Юйцинь и Гао Юйцин не парят в небесах сами... а Гао Юйянь тащит их за собой, словно марионеток.

<http://bllate.org/book/17428/1657384>